



УДК 81.42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.19>Л. Ю. Манасян
Т. М. Грушевская

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВЕСТИМЕНТАРНОГО КОДА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА МОДЫ 1960-х гг. (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье характеризуется советский дискурс моды 60-х годов XX столетия с особым акцентом на систему ценностей анализируемого периода. Мода рассматривается и анализируется как одна из семиотических систем. Изучается понятие «вестиментарный код» (термин Р. Барта), чему предшествует анализ понятия «мода» в контексте различных видов культурных семиотик, составляющих междисциплинарное поле исследования. Работа строится на базе дефиниций понятия «мода», данных в различных словарях, характеризующих его понимание как междисциплинарного феномена в таких областях, как философия, эстетика, этика, культурология, социология, психология, лингвистика. Показано, что неоднозначное отношение к данному понятию обусловлено его многомерным характером; мода охватывает многие области человеческой деятельности, в результате чего формируются как повседневный, так и научный взгляды на данное явление. В качестве феномена повседневности мода понятна каждому индивиду, а с точки зрения теоретической репрезентации ее статуса мода символизирует совокупность социокультурных и исторических процессов, выступая в качестве одного из кодов культуры. Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что проблема советского дискурса моды 1960-х годов впервые рассматривается

в качестве лингвистической проблемы. Мода анализируемого периода характеризуется, с одной стороны, ее революционным характером, выраженным в различных ее направлениях (в том числе в стилях молодежных субкультур – модов, рокеров, скинхедов, хиппи), и, с другой стороны, спецификой ее адаптации в нашей стране с учетом социокультурного и идеологического контекстов. Актуальность исследуемой темы с точки зрения дискурсивной реализации обусловлена необходимостью определить, какими средствами репрезентируются особенности вестиментарного кода в контексте отечественного (советского) официального дискурса моды 60-х годов. Выявлено, что специфика вестиментарного кода имеет четкий ценностный ориентир, характеризующий данный дискурс, разворачиваемый на страницах советских СМИ. Делается вывод о значимости вербальной составляющей вестиментарного кода в дискурсе моды анализируемой эпохи в нашей стране.

Ключевые слова: дискурс моды, вестиментарный код, эпоха 60-х, ценности, одежда-образ, одежда-описание.

Для цитирования: Манасян Л. Ю., Грушевская Т. М. Актуализация вестиментарного кода в контексте советского дискурса моды 1960-х гг. (аксиологический аспект) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 150–158. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.19

Liana Yu. Manasyan
Tatyana M. Grushevskaya

ACTUALISATION OF THE VESTIMENTARY CODE IN THE CONTEXT OF THE SOVIET FASHION DISCOURSE OF THE 1960s (AXIOLOGICAL ASPECT)

The article characterises the Soviet fashion discourse of the 1960s with a special emphasis on the value system of the period under analysis. Fashion is considered and analysed as one of the semiotic systems. The concept of “the vestimentary code” (R. Barthes’s term) is studied, which is preceded by an analysis of the concept of “fashion” in the context of various types of cultural semiotics that make up the interdisciplinary field of research. The present work is based on the definitions of the concept of “fashion” given in various dictionaries, characterising its understanding as an interdisciplinary phenomenon in such fields as philosophy, aesthetics, ethics, cultural studies, sociology, psychology, linguistics. It is shown that the ambiguous attitude to this concept is due to its multidimensional nature; fashion covers many areas of human activity, so that both everyday and scientific views on this phenomenon are formed. As a phenomenon of everyday life, fashion is understandable to every individual, and from the point of view of the theoretical

representation of its status, fashion symbolises the totality of sociocultural and historical processes, acting as one of the culture codes. The scientific novelty of the proposed study lies in the fact that the problem of the Soviet fashion discourse of the 1960s is for the first time considered as a linguistic problem. The fashion of the analysed period is characterised, on the one hand, by its revolutionary nature, expressed in its various directions (including in the styles of youth subcultures – mods, rockers, skinheads, hippies), and, on the other hand, by the specificity of its adaptation in our country, taking into account the sociocultural and the ideological contexts. The relevance of the topic under study from the point of view of discursive realisation arises from the need to determine by what means the features of the vestimentary code are represented in the context of the Soviet official fashion discourse of the 1960s. It is revealed that the specificity of the vestimentary code has a clear value benchmark that characterises this discourse unfolding on the

pages of the Soviet media. The conclusion is made about the importance of the verbal component of the vestimentary code in the fashion discourse of the analysed era in our country.

Key words: fashion discourse, vestimentary code, 1960s-era, values, image-clothing, written clothing.

В настоящее время, когда нет целостного восприятия моды, когда, казалось бы, отсутствует определенная концепция моды, создается почва для появления новых социокультурно значимых исследований в диахронии и синхронии с целью оценить дискурс моды (ДМ) в аспекте реализации вестиментарного кода.

Мода – феномен многоаспектный, затрагивающий различные сферы человеческой жизнедеятельности. Будучи объектом повседневных и научных интересов, она формирует единое пространство обыденного и теоретического знания. С одной стороны, мода как феномен повседневности, как часть материальной культуры понятна любому человеку независимо от его возраста, пола, социального статуса и финансового положения. С другой стороны, она символизирует совокупность процессов, происходящих в обществе в тот или иной исторический период, выступая в качестве одного из кодов культуры. С точки зрения дискурсивной оппозиции «институциональность / персональность» мода представлена в двух типах, в которых «модный образ» актуализируется одновременно социокультурно и индивидуально.

Дефиниции моды. Определение понятию «мода» различными словарями (а их количество велико) дается в зависимости от сферы функционирования, от научного направления. Рассмотрим информацию из некоторых словарей. Как правило, первичная позиция в определении понятия отводится этимологии. Как известно, слово «мода» восходит к французскому “mode”. Согласно этимологическому словарю французского языка, слово “mode” зафиксировано в XV веке (от лат. “modus”, означает “manière” («манера, способ»)); слово “modiste” («модистка») – в 1661 г., а слово “démodé” («вышедший из моды», «немодный») – в начале XIX в. [23, р. 470].

В словаре иностранных слов: «Мода [фр. mode < лат. modus мера, образ, способ, правило, предписание] – 1) господство в определенное время в определенной среде тех или иных вкусов в отношении одежды, предметов быта и т. п.» [17, с. 318].

Поскольку первоисточником анализируемого понятия является латинское слово, мы полагаем, что следует обратить внимание на ряд значений латинского “modus”, данный в Латинско-русском словаре: 1) мера; 2) умеренность; 3) объем, величина, размеры, длина, сумма, число, протяжение, участок, количество; 4) положение, ранг; 5) такт, ритм, размер; 6) муз. лад, тональность; 7) предел, мера, граница; 8) образ, род, способ; 9) правило, предписание; 10–11) грам. залог, склонение [7, с. 643].

For citation: Manasyan L. Yu., Grushevskaya T. M. Actualisation of the vestimentary code in the context of the soviet fashion discourse of the 1960s (axiological aspect) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 150–158 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.19

Как видим из перечисленных значений, латинская лексическая единица охватывает различные сферы деятельности, указывая в целом на способ человеческого существования в той или иной системе координат. При этом можно заметить, что во всех значениях, кроме двух последних, имеющих отношение к грамматическому аспекту, латинское “modus” в той или иной степени соотносится с понятием «мода».

Наиболее краткое и обобщенное представление об этом понятии предлагается в Советском энциклопедическом словаре: «Мода (франц. mode, от лат. modus – мера, способ, правило), 1) непродолжит. господство определ. вкуса в к.-л. сфере жизни или культуры. В отличие от стиля, М. характеризует более кратковрем. и поверхностные изменения внеш. форм бытовых предметов и худ. произведений; в узком смысле – смена форм и образцов одежды. 2) Непрочная, быстропроходящая популярность» [19, с. 819].

Толковый словарь русского языка к общему определению понятия вводит языковые образцы его употребления в различных сочетаниях слов:

Мода – это: «1. Совокупность вкусов и взглядов, господствующих в определенной общественной среде в определенное, обычно недолгое время. Войти в моду. Выйти из моды. Дань моде. Одет по последней моде. М. на короткую одежду. Ввести в моду новый фасон. 2. мн. Образцы предметов, отвечающие таким вкусам (обычно об одежде). Журнал мод. 3. Манера поведения, обычай (прост.). Взял моду ругаться. ♦ В моде – моден (в 1 и 2 знач.). В моде – макси. Кружево не в моде» [15, с. 370].

Наиболее развернутое определение моде дается в словаре по этике, в котором акцентируется ценностный аспект: «...социальная и идеологическая направленность М. определяется ценностными ориентациями об-ва и личности, к-рые и обуславливают характер и динамику ее развития» [18, с. 185].

Коллективное и индивидуальное проявления моды толкуются через понятия «поведение», «вкусы» и др. При этом, как и в некоторых других словарях, отмечается быстротечный характер феномена: «Мода – кратковременная форма стандартизированного массового поведения, возникающая преимущественно стихийно, под влиянием доминирующих в данный период и в данном об-ве настроений, вкусов, увлечений» [Там же].

Мода характеризуется как полноценная семиотическая система, выражаемая конвенционально (условно) и неконвенционально (естественно).

Условность не предполагает проблемной ситуации в отношении институционализации моды на стадии ее формирования и законодательного внедрения. Своего рода непослушание (несогласие как объективная причина) возникает на этапе исполнения. В случае отказа от выполнения предписаний, как и в любом виде дискурса, наступают санкционные меры – наказания, штрафы, имеющие различное выражение в зависимости от контекста (ср.: наказания, введенные Петром I для придворных; замечания учащимся и их родителям при нарушении школьного дресс-кода). При этом взаимосвязь «предписание» / «(не)исполнение», «(не)надлежащее исполнение» ясна, прозрачна, предсказуема. Институционально мода «охраняется силой общественного мнения», «тесно связана с образом жизни, с социально-экономическими и культурными условиями» [18, с. 185].

Неконвенциональность, напротив, сложно предвосхитить в силу возможной стихийной актуализации. Специфика моды определяется фактом тесного единства – взаимодействия и взаимовоздействия – коллективного, группового и индивидуального уровней коммуникации. В связи с этим, быстротечность моды, на наш взгляд, может объясняться тем, что мода является одной из чувствительных форм коммуникации, в которой активно используются психологические механизмы: «В процессе общения люди оказывают друг на друга влияние. Одна из его форм – взаимная передача особенностей своего выразительного облика и поведения (речь, одежда, мимика, манеры и т. п.), трансляция внешних форм культуры, осуществляемые на базе психологического механизма подражания, внушения и массового “психического заражения”». Подражание «модным “знакам”», каковыми являются предметы, вещи, манеры, создает «определенный тип поведения и стиль жизни человека». Предполагается, что при этом сама личность, в основе своей обладающая самостоятельностью, культурой, является носителем нравственных ценностей и не лишена эстетических чувств [18, с. 185].

Мода как семиотическая система преимущественно визуальна. И знаки, прочитываемые в ней, могут быть интерпретированы по-разному; при этом они могут и не соответствовать общепринятой дешифровке. Вполне справедливо звучит следующий фрагмент из развернутого определения моды: «Поскольку М. затрагивает и отражает облик человека лишь поверхностно, следование ее образцам не может служить мерой оценки нравственного мира человека» [18, с. 185].

Социально-исторический контекст вносит свои коррективы, важные для определенной общественной формации, особенно тогда, когда есть проблема идеологического противостояния. В следующем комментарии утверждается мнение о необходимости установления баланса в процес-

се духовного развития личности, одной из сфер которого является мода: «...излишняя приверженность М., несамостоятельность в следовании ее образцам, некритическое заимствование инородных модных стандартов, противоречащих сложившемуся в данном об-ве образу жизни <...>, может отрицательно сказаться на духовном развитии личности. Болезнь “модничанья” становится общественно опасной, если внешняя, “вещная”, сторона жизни превалирует над внутренней, духовной, и человек оказывается под влиянием потребительской психологии» [18, с. 185–186].

Междисциплинарный характер моды, как было отмечено, явлен в определениях самого понятия «мода» в различных словарях. мода интересовала и продолжает интересовать специалистов в различных областях знания – в философии, этике, эстетике, социологии, культурологии, психологии, истории, антропологии, этнологии, технологии, изобразительном искусстве, филологии, лингвистике.

Мода как особый тип коммуникации представляет собой невербально-вербальный дискурс. Изучение моды предполагает использование семиотического подхода, включающего такие единицы, как «знак», «код», «система». В целом семиотика характеризуется как средство, способное установить «общее в различных знаковых системах», указать на «всеобщую связь между принципами организации» таких феноменов, как язык, материальная и духовная культура [20, с. 26]. С фило-софской точки зрения семиотический подход сопрягается с понятием сознания: «богатейший опыт научного семиотизирования третьей четверти XX века – это опыт перевода символов сознания в знаки культуры. Именно в связи с этим обстоятельством постоянно воспроизводится необходимость культивирования человека (во французском смысле этого слова), то есть воспроизводится установка на сохранение постоянной двойственности знания: изучение себя, изучение мира, осознание своего места в мире и т. д.» [12, с. 102].

Мода – феномен, сочетающий в себе изменчивость и постоянство. Изменчивость моды выражается двояко: долгосрочно (в различных стилях эпох) и краткосрочно (в чередовании стремительно сменяющих друг друга модных тенденций). Изменчивость в последнем случае не есть фиксация естественной, функциональной необходимости, имевшая место, к примеру, в конце XIX – начале XX вв., когда с изменением и ускорением привычного уклада жизни (связанными с набравшим силу движением за реформу женского костюма, а также с появлением первых автомобилей и активно входившими в моду занятиями спортом) юбки и платья у дам стали короче для удобства, и женский гардероб пополнился такими предметами одежды, как юбка-брюки и панталоны [подробнее об этом см., напр., 9, с. 21–23].

Полагаем, что одно из проявлений постоянства в моде – цикличность происходящих в ней изменений. Через определенный отрезок времени, как правило, мода меняется. В обыденном языке это постоянство выражено в высказывании «Новое – это хорошо забытое старое». В моде подобный возврат предметно выражен вещами «из бабушкиного сундука», а лингвистически определен как «стиль “ретро”». Каждая культурная эпоха имела свои представления об идеале красоты (в рамках курсов по истории костюма в обязательном порядке рассматривается «эстетический идеал красоты» изучаемой эпохи), об искусстве, о costume и моде, однако были и периоды дефицита идей (результат – стиль «эклетика») и дефицита вещей (результат – «неприемлемое» проявление вестиментарной культуры, к примеру, в нашей стране). Итак, можно утверждать, что мода (не только вестиментарная) – это особое пространство, в котором удивительным образом сочетаются указанные характеристики – изменчивость и постоянство. Это пространство, с одной стороны, зависит от необходимости учета критерия функциональности (объективность), с другой стороны, оно свободно от ограничений, поскольку представляет собой выражение творческого порыва, вкуса созидающего художника (субъективность).

Поскольку мода – это прежде всего явление общественной жизни, в качестве объекта изучения она предпочтительно относится к социологии, рассматривающей моду как феномен многомерный: «трудно назвать такую область социально-экономической и культурной жизни, где бы не сказывалось его влияние» [5, с. 4]. В этом направлении отмечается, что мода как «способ символизации социальных изменений» не является социальным институтом и не может быть полностью институционализирована. Однако процесс институционализации в этой сфере отмечается с конца XIX в.; он выражается, в частности, «в возникновении новых (специфических) социальных институтов, посредством которых осуществляются функции моды, либо в приспособлении существующих (неспецифических) социальных институтов к выполнению таких функций» [14, с. 9].

Эпоха 1960-х на Западе имеет четко сформированный образ, выраженный в борьбе за идеи свободы, равенства, напоминающие девиз Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство». Идеология как основополагающий фактор институционального типа дискурса формирует соответствующее отношение к анализируемым феноменам в различных сферах человеческого бытия [3; 21; 22]. Одно из таких явлений – мода как социокультурный объект, рассматриваемый в пространстве институционального дискурса.

Символично, что такие работы, как «Система моды» (1967) Ролана Барта и «Система вещей» (1968) Жана Бодрийера были написаны именно

в 60-е гг. XX столетия. Данный факт говорит об общих тенденциях при изучении интегративных социокультурных процессов, нашедших выражение в междисциплинарных исследованиях по философии, истории, культурологии, социологии, психологии, антропологии, экономике, филологическим наукам, объединенных идеями структурализма. Цель структурализма – поиск единой структуры для разных семиотических явлений в одном историческом контексте. Таков путь Р. Барта, ищущего, по образцу К. Леви-Строса [11], соответствия между культурными и коммуникативными структурами применительно к современному обществу. В частности, в рамках семиотики моды он предлагает понятие «вестиментарного кода», состоящего из трех основных систем («три одежды»): «одежда-образ», «одежда-описание» и «реальная одежда». Барт отводит описанию (слову) «властную функцию», слово «делает выбор вместо глаза. Образ запечатлевает множество возможностей; слово фиксирует одну-единственную определенность» [1, с. 47]. Тем самым, согласно Барту, происходит формирование приверженцев Моды, новых читателей модных журналов, что указывает на воздействующую силу рекламы. Мода служит цели «ускорить обновление одежды, которое шло бы слишком медленно, если бы зависело только от износа» [1, с. 332].

Такая постановка вопроса развивала проблемы общества потребления в различных сферах человеческой жизнедеятельности, в пространстве которой дискурс моды занимает значительное место [2]. Будучи в некотором смысле отголоском «Системы моды» Ролана Барта, «Система вещей» Жана Бодрийера, однако, явилась критикой структурализма. Подход Бодрийера включает анализ отчуждения личности, понимаемого как результат процессов не только в сфере товарного производства, но и в сфере потребления. Так рождается понятие «симулякр» как условный знак, заместитель, актуализируемый в визуальных знаках-образах, занимающих доминирующее положение в семиотике. Система вещей рассматривалась как «функциональная система» («дискурс объекта»), которая интерпретировалась через определенные «структуры расстановки». Эти структуры включают как вещи, так и человека в природе и обществе, анализируемые в контексте различных понятий из областей культурологии, социологии, истории, психологии, экономики, этики, эстетики. Это такие понятия, как «среда», «интерьер», «материалы», «стилизация», «игра», «модель», «серийность», «подлинность», «маргинальность», «раритет», «уникальность», «дефицит» (относительно стиля и технического выражения). Среди них также «идеология моделей», «классовая рознь», «кредит», «гуманизм», «реклама» как «дискурс о вещах и дискурс-вещь», «потребление» [2].

Дискурс моды может рассматриваться в едином пространстве таких семиотик, как Семиотика социальной коммуникации и управления, Семиотика поведения и социальной репрезентации, Семиотика языка и Семиотика искусства [о типологии различных семиотик см.: 13, с. 19]. К примеру, Семиотика поведения и социальной репрезентации в дискурсе моды актуализирует такие понятия, как «придворный этикет», «дипломатический протокол». Сферы «Поведение», «Одежда», «Этикет» наряду с естественными языками и другими семиотиками (как естественные, но не врожденные семиотики) и примеры искусственных семиотик отнесены Н. Б. Мечковской к культурным семиотикам, которые «являются плодом социальной истории человечества» [13, с. 231]. В современном дискурсе понятие «дресс-код» соотносимо с понятием «язык социального статуса» [10]; данные понятия, в свою очередь, объединены фактором институциональности.

Существование семиотик моды. Эпоха 1960-х гг. – время перемен, неоднозначных явлений, которое «считают самым важным десятилетием XX в.» [9, с. 126]. В мировой истории этот период ознаменовался распадом колониальной системы в Африке, возведением «Берлинской стены», войной во Вьетнаме, различными политическими и военными противостояниями и проч. [9, с. 126]. За рубежом данная эпоха стала временем, отмеченным свободой, временем новых ценностей – «секса, наркотиков и рок-н-ролла», сексуальной и культурной революций. В нашей стране это было время научных достижений, космических полетов, а также пятилеток, ставивших своими целями экономическое развитие СССР и повышение благосостояния народа.

Различный социокультурный и идеологический фон формирует различную актуализацию дискурса моды (ДМ). ДМ в подобном контексте представляет картину сосуществования семиотик в направлениях, условно определяемых нами по двум критериям – идеологическому и институциональному. Идеологический критерий сформирован на базе оппозиции «свое (наше) / чужое (их)»: отечественная / советская / социалистическая (включая страны СЭВ) приемлемая мода противопоставлялась зарубежной / буржуазной / капиталистической / «растлевающей» неприемлемой моде. Институциональный критерий образован на основе следующего противопоставления: «официальная» / отечественная / приемлемая мода // «маргинальная» / заимствованная / неприемлемая мода. Дискурс моды анализируемого периода формировался на пересечении всех обозначенных направлений, время от времени превращаясь в поле некоторых культурных столкновений, когда, к примеру, «маргинальная» (альтернативная молодежная) мода, приемлемая за рубежом, оказывалась неприемлемой, даже идеологически вредной, на территории нашей страны.

Период 60-х гг. XX столетия представляет собой панораму различных направлений альтернативной моды, сформировавшихся на основе стилей непримиримых молодежных субкультур (моды, рокеры, скинхеды, хиппи). В крупных городах нашей страны широкое распространение получила субкультура «стиляги» (также имело место более узкое понятие «штатники», определявшее представителей стиляг, являвшихся приверженцами исключительно американских марок). На Западе взаимовлияние направлений (официального и альтернативного) сказывалось продуктивно на развитии новых тенденций моды, порождая появление новых стилей и форм. Так, например, стиль жизни модов, выраженный в принципе минимализма «Меньше значит больше», был подхвачен дизайнерами [подробнее см.: 8; 9]. В настоящей статье мы ограничиваемся анализом официальной (приемлемой) моды в нашей стране, поскольку молодежная антимода 60-х гг. прошлого века, характеризующаяся полистилизмом, требует отдельного рассмотрения. Официальная мода имеет четкие контуры. Это направление отечественной моды освещалось на страницах журналов и газет – «Работница», «Крестьянка», «Советская культура»; последнее издание также уделяло внимание обсуждению, анализу и критике новомодных явлений вестиментарной культуры, пришедших к нам с Запада.

В качестве материала для анализа официальной моды в наших первых изысканиях мы выбрали несколько номеров советского журнала «Работница» за 1963 г. (№№ 1, 3, 4, 6, 8). ДМ разворачивается на последних страницах журнала и выражается в разных формах. Это краткие заметки в специальных рубриках «Моды», «Дома моделей предлагают», а также статьи в рубрике «Зарубежная мода» и др. Статьи и заметки посвящены в целом культуре одежды (к примеру, «Как одеваться на работе и дома»), а также отдельным видам одежды («Удобные фартуки»). В данных материалах найдено множество полезных советов.

В целом вестиментарный код в советском дискурсе моды актуализируется следующим образом: к каждому вербальному коду («одежда-описание») прилагается невербальный код («одежда-образ»), представляющий собой не фотоизображение, а рисунок с обозначением силуэта предлагаемой модели. Эскиз модели в большинстве случаев не передает фактуру полотна, но условно обозначает рисунок ткани. Таким образом, в исследованных нами статьях и заметках доминанту вестиментарного кода составляет описание модели (вербальный код).

Проанализируем в рамках настоящего исследования два текста из номеров журнала «Работница» за 1963 г. – статью «Семь раз примерь...» [16] и заметку «Моды» [4], иллюстрации к которой расположены отдельно (под заголовком «Из клетчатых тканей») и занимают всю соседнюю страницу.

В самом заголовке статьи «Семь раз примерь...» содержится игра слов на основе русской поговорки «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (у В. И. Даля находим следующие варианты данной поговорки: «Десять раз примерь, один раз отрежь» и «Десятью примерь, однава отрежь» [6, с. 51] в разделе «Много – Мало» [6, с. 45–52], а также «Десятью примерь, однава отрежь!» [6, с. 144] и «Семь раз примерь, один раз отрежь!» [6, с. 145] в разделе «Осторожность» [6, с. 142–147]). Информация в тексте статьи изложена в виде сценария как одной из форм представления знания в когнитивной лингвистике. Сценарий, в свою очередь, состоит из множества этапов, которые можно рассматривать в качестве фреймов.

В зачине текста задается основной тезис в виде задачи /1/, которую необходимо решать на следующих этапах /2/, /3/, /4/, п...:

/1/ «Хорошо одеваться – это своего рода творческая задача»;

/2/ «Решение ее начинается с покупки ткани» (первый этап в реализации сценария в виде фрейма);

/3/ «Прежде всего определите, идет ли вам цвет ткани» (составная часть фрейма (слот), изложенного в предложении /2/);

/4/ «Дать тут совет очень трудно, это связано с цветом вашей кожи, волос, глаз».

В высказывании /4/ содержится отступление в виде совета, который связан с некоторыми трудностями. Совет эксплицируется в перечислении необходимых позиций, на которые стоит обращать внимание при покупке ткани.

Далее дается совет относительно соответствия выбранной ткани назначению и функциям проектируемого изделия:

/5/ «Выбирая ткань, надо всегда учитывать, насколько подходит она для той одежды, которую вы собираетесь сшить».

Следующие этапы построены в виде фреймов, содержащих характеристики тканей для конкретных видов одежды в зависимости от времени года и времени суток: «костюм для улицы», «демисезонное пальто», «повседневные платья», «домашняя одежда».

Первым представлен фрейм «пальто» с перечислением характеристик (силуэт, отделка, цвет и др.):

/6/ «Начнем с пальто. Сейчас модны пальто простые, прямые или слегка расширенные книзу от линии бедер. <...> Имейте в виду, что входит в моду синий цвет...».

Далее следует фрейм «легкий костюм для лета», который раскрывается как «практичная и удобная одежда»:

/7/ «Прохладным утром и вечером его носят с жакетом, а когда становится жарко, остаются в юбке с блузкой».

Текст изложен простым доступным языком в научно-популярном стиле в жанре инструкции и развивает тему основных аспектов создания одежды:

«Когда вы ищете сочетания гладкой и набивной ткани для отделки или подбираете материал на блузку к костюму, посмотрите на обе ткани на некотором расстоянии. Только так можно определить общий тон набивной ткани и решить, сочетается ли он с гладкой тканью».

Совет исключает морализаторство, тактично выражен в речевом акте предостережения. Автор статьи Н. Поливода, старший искусствовед отдела мод ГУМа, делится своими профессиональными знаниями и мнением:

«Особенно осмотрительно выбирайте материал для вечерних платьев. Продается множество разнообразных тканей под названием “тафта”. Они, бесспорно, красивы, но фасон надо выбрать очень простой и строгий».

Далее предлагается определенный фасон к выбранной ткани. При этом внимание уделяется также аксессуарам. Немаловажная задача – привить хороший вкус:

«Лучше шить из тафты платье-костюм прямой формы. Жакет может быть без воротника. Если надеть к костюму хорошо подобранные бусы, то туалет получится элегантный».

Перечисление этапов свидетельствует о том, что выбор того, во что одеваться, есть творческая задача. В заключение автор статьи дает очередную рекомендацию, приобщая тем самым читателей журнала «Работница» к науке комбинаторики в одежде:

«...при выборе ткани на платье, костюм или пальто помните об имеющихся у вас туфлях, шляпе, перчатках, сумочке. Важно, чтобы они подходили по цвету к вашей новой вещи».

Ценностный аспект заключается в непосредственном учете адресата. Отметим, что в рассматриваемые годы в СССР молодежной моды как таковой не существовало. В анализируемой статье внимание к ней присутствует:

«Красивы платья из кружевного полотна и капрона на чехле. Их можно рекомендовать молодежи».

Текст представляет собой обращение к советской женщине любой профессии. В описаниях-советах присутствуют виды одежды, выполненные в различных материалах и предназначенные для различных случаев: модели для выхода в свет (в театр, на танцевальные вечеринки), для работы, для дома и проч.

В следующем фрагменте обнаруживаем совокупное решение творческой задачи с учетом некоторых характеристик одежды («интересно, модно, дешево»). В описании модного пальто

вырисовывается образ стилиста из 60-х, хотя официальный идеологический дискурс его никак не поддерживал:

«<...> Но интересней, моднее и дешевле обойдется пальто, если вы выберете что-нибудь из пестротканых, ворсистых, буклированных материалов или тканей в крупную клетку».

Ценностный аспект речевого жанра совета (основного жанра как данного текста, так и в целом многих других текстов из отечественного ДМ 60-х гг.) формируется на базе изложенных характеристик в купе с тоном текста, которому присуща трогательная забота о советской женщине.

Обратимся к следующему примеру, в котором понятие «Моды» эксплицировано не только в заголовке, но и в зачине текста заметки Н. Голиковой в двух первых предложениях: «Клетчатые ткани почти никогда не выходили из моды. И вот сейчас клетка опять модна, причем самая разнообразная – мелкая и крупная, яркая и почти однотонная». Следующее, третье предложение образует причинно-следственную связь с предыдущим, подтверждая приоритет не моды, а заботы о женщине, любой женщине: «Поэтому женщины любой комплекции и возраста могут подобрать для себя подходящую клетчатую ткань».

В данном тексте, как и в предыдущем, актуальны информирующая и инструктирующая функции, речевой жанр «совет» и заботливый тон, которые нацелены на проявление творчества, формирование вкуса у советской женщины. Вторая часть текста предваряется обобщающим высказыванием, к которому приводится множество примеров: «На нашей странице мод мы предлагаем модели повседневных удобных туалетов из клетчатых тканей». Подчеркнем, что далее понятие «модно» теряет свою актуальность в пространстве вестиментарности. Черно-белые эскизы с введением лишь одного дополнительного цвета (невербальный код) в журнале даются с соответствующими комментариями (вербальный код). В перечисляемых вариантах «модной клетки» акцент делается прежде всего на красоту, удобство, цельность, сочетаемость, комбинаторность, элегантность одежды для любого случая:

«1. Клетчатая юбка из шерстяной ткани всегда хорошо сочетается с однотонными блузками. Эту блузку-джерпер дополняет галстук из ткани юбки, что придает цельность всему костюму. 2. Легкий костюм из клетчатой полушерстяной или плотной штапельной ткани отделан беечкой-кантом из гладкокрашеной ткани. Из ткани отделки сделан также воротник и блузка под костюм. Вместо блузки может быть надет тонкий гладкий свитер. <...> 4. Жакет от клетчатого костюма можно носить и с гладкой юбкой или надевать его поверх однотонного платья, если этот жакет прямой формы. 5. Если это платье сделать из фланели, оно будет уютным домашним платьем. Сделанное из плотной штапельной ткани, оно станет скромным и

удобным платьем для службы. А выполненное из мягкой клетчатой шерстяной ткани, оно превратится в нарядное, элегантное платье».

Неформальная забота особо подчеркнута в комментарии к модели 3. Во второй части этого фрагмента адресатность («те, кто») выражается в большей степени:

«3. Это платье со свободным лифом и прямой юбкой может быть выполнено из шерстяной, буклированной ткани или из ошерстненного штапельного полотна. Те, кто не носит платьев без воротников, могут сделать к нему маленький воротник «хомутик», или отложной, или просто повязать однотонный (не набивной) шейный платочек. Платье дополнено поясом».

В качестве заключения отметим, что ценностный аспект дискурса моды 1960-х на материале анализа статей и заметок из журнала «Работница» определяется различными характеристиками одежды как объекта эстетики и экономики (сюда же отнесем рассмотрение в журнальных текстах таких вопросов, как процесс производства и благосостояние адресата). Это такие характеристики, как красота, элегантность, функциональность одежды, ее простота, комфорт и гигиеничность (выраженные в выборе преимущественно натуральных тканей – шерсти, хлопка, шелка и их разновидностей), а также экономное использование ресурсов при создании моделей. Дискурс реализуется в речевом жанре совета. Тон текста – уважительный, выражается в заботе о советской женщине, о ее внешнем виде и комфорте в различных жизненных ситуациях.

Эстетика быта, в пространстве которого вестиментарная культура занимает важное место, в целом является одной из проблем институционального дискурса 1960-х гг., рассматриваемых в идеологическом ключе. При этом роль вербальной составляющей вестиментарного кода в ДМ анализируемой эпохи в нашей стране является доминирующей. При выборе одежды советская женщина, не ставя себе целью лоск и блеск, прежде всего решает творческую задачу. Женщина одежду не столько покупает, сколько создает, включая в процесс своего творчества все названные этапы проанализированного нами сценария. Так в отечественном ДМ складывается парадоксальная ситуация, когда в данной сфере креативность как компетенция, необходимая художникам, модельерам, конструкторам, технологам, портным, проецируется на личность «женщины-непотребителя», отлично с этой ролью справляющуюся. Таким образом, в ДМ 1960-х гг. в нашей стране креативность как компетенция репрезентируется как ценность, выражающая и утверждающая личностные способности и возможности советской женщины, связывающая материальную и духовную стороны культуры.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопровод. ст. С. Н. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
3. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / сост., ред., библиогр., примеч. и указ. Д. А. Юнова; вступ. ст. Н. Л. Васильева. СПб.: Аста-пресс Ltd., 1995. 388 с. (Для научных библиотек. Круг Бахтина).
4. Голикова Н. Моды // Работница: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1963. №1 (Январь). С. 32.
5. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994. 161 с.: ил.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 2 / послесл. В. Аникина; Худож. Г. Клодт. М.: Художественная литература, 1984. 399 с.: ил.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Демшина А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. СПб.: Астерион, 2009. 105 с.
9. Ермилова Д.Ю. История домов моды: Учеб. пособие для высш. учебн. заведений. М.: Academia, 2003. 288 с.: ил. (Высшее образование).
10. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с. (Психология без границ).
12. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура).
13. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. М.: Academia, 2004. 432 с. (Высшее профессиональное образование).
14. Нестеренко Е. В. Мода как способ символизации социальных изменений и тенденции ее институционализации в современном обществе (на примере моды на женскую одежду): автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2005. 19 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
16. Поливода Н. Семь раз примерь... // Работница: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1963. №6 (Июнь). С. 31.
17. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987. 608 с.
18. Словарь по этике / под. ред. И.С. Кона. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983. 445 с.
19. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.: ил.
20. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с. (Язык. Семиотика. Культура).
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
22. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
23. Nouveau dictionnaire étymologique et historique / par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. 4-ième édition revue et corrigée. Paris: Librairie Larousse, 1978. 805 p.

References

1. Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury (The Fashion System. Essays on the Semiology of Culture) / translated and compiled by S. N. Zenkin. Moscow: Sabashnikovy Publ., 2003. 512 p. (In Russian).
2. Bodriyar Zh. Sistema veshchei (The System of Objects) / translated by S. N. Zenkin. Moscow: Rudomino, 1999. 224 p. (In Russian).
3. Voloshinov V. N. Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk (Philosophy and Sociology of the Humanities). St. Petersburg: Asta-press Ltd., 1995. 388 p. (In Russian).
4. Golikova N. Mody (Fashions) // Rabotnitsa: Obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal (Workwoman: Sociopolitical and Literary-Artistic Magazine). 1963. No.1 (January). P. 32. (In Russian).
5. Gofman A. B. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya (Fashion and People. A New Theory of Fashion and Fashion Behaviour). Moscow: Nauka, 1994. 161 p.: il. (In Russian).
6. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik (Proverbs of the Russian People: Collection). In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 399 p.: il. (In Russian).
7. Dvoret'skii I. Kh. Latinsko-russkii slovar': Okolo 50000 slov (Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words). Moscow: Russkii yazyk, 1976. 1096 p. (In Russian).
8. Demshina A. Yu. Moda v kontekste vizual'noi kul'tury: vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv. (Fashion in the Context of Visual Culture: the Second Half of the 20th – the Beginning of the 21st Centuries). St. Petersburg: Asterion, 2009. 105 p. (In Russian).
9. Ermilova D. Yu. Istoriya domov mody: Ucheb. posobie dlya vyssh. uchebn. zavedenii (The History of Fashion Houses: Textbook for Higher Education Institutions). Moscow: Academia, 2003. 288 p.: il. (In Russian).
10. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa (Social Status Language). Moscow: Gnozis, 2002. 333 p. (In Russian).
11. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya (Structural Anthropology) / translated by Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: Eksmo-Press, 2001. 512 p. (In Russian).

12. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii A. M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke (Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language) / under the general editorship of Yu. P. Senokosov. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1997. 224 p. (In Russian).
13. Mechkovskaya N. B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsii: Ucheb. posobie dlya stud. filol., lingv. i perevodoved. fak. vyssh. ucheb. zavedenii (Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of Lectures: Textbook for Students of Philological, Linguistic and Translation Faculties of Higher Education Institutions). Moscow: Academia, 2004. 432 p. (In Russian).
14. Nesterenko E. V. Moda kak sposob simvolizatsii sotsial'nykh izmenenii i tendentsii ee institutsializatsii v sovremennom obshchestve (na primere mody na zhenskuyu odezhdu) (Fashion as a Way of Symbolising Social Changes and the Tendencies of Its Institutionalisation in Modern Society (by the Example of Fashion for Women's Clothing)). Moscow, 2005. 19 p. (In Russian).
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii (Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions). Moscow: AZ, 1993. 960 p. (In Russian).
16. Polivoda N. Sem' raz primer'... (Try It On Seven Times...) // Rabotnitsa: Obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal (Workwoman: Sociopolitical and Literary-Artistic Magazine). 1963. No.6 (June). P. 31. (In Russian).
17. Slovar' inostrannykh slov (Dictionary of Foreign Words). Moscow: Russkii yazyk, 1987. 608 p. (In Russian).
18. Slovar' po etike (Dictionary of Ethics) / under the editorship of I. S. Kon. Moscow: Politizdat, 1983. 445 p. (In Russian).
19. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary) / chief editor A. M. Prokhorov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 1600 p.: il. (In Russian).
20. Stepanov Yu. S. Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka (Language and Method. On Modern Philosophy of Language). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 784 p. (In Russian).
21. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let (The Will for Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years) / compiled and translated by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal', 1996. 448 p. (In Russian).
22. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
23. Nouveau dictionnaire étymologique et historique / par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. 4-ième édition revue et corrigée. Paris: Librairie Larousse, 1978. 805 p.

Сведения об авторах

Манасян Лиана Юрьевна – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета / li.manasyan@gmail.com

Адрес: д, 149, ул. Ставропольская, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация.

Грушевская Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета / kff-kubsu@yandex.ru

Адрес: д, 149, ул. Ставропольская, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация.

Information about the authors

Liana Yu. Manasyan – Applicant for PhD Degree, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / li.manasyan@gmail.com

The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.

Tatyana M. Grushevskaya – Doctor of Philology, Professor, Head, Chair of French Philology, Kuban State University / kff-kubsu@yandex.ru

The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.